

Уже начинало светать, на восточном горизонте появилась бледная полоска рассвета. Увидев это, Вэй Чжао отпустил лошадь, позволив ей идти своей дорогой, а сам взял И Иня за руку и направился в горы.

Тело И Иня было всего четырёхлетним, в возрасте, когда дети больше всего хотят спать, и никакая сила воли не могла с этим справиться. Раньше, на тряской лошади, И Инь спал, прижавшись к спине Вэй Чжао, в полудреме.

Теперь ему приходилось идти самому, и глаза его оставались закрытыми. Он держал левую руку Вэй Чжао обеими руками, шел с закрытыми глазами, спотыкаясь на каждом шагу.

Идя так, И Инь случайно наступил на ветку, лежащую на земле, и упал, полностью проснувшись от этого.

— А-Инь, как ты? Болит? — Вэй Чжао быстро поднял мальчика, проверяя, не поранился ли тот.

И Инь покачал головой, смущенно ответил:

— Папа, я в порядке. Я не смотрел под ноги, так что винить в падении некого.

Убедившись, что с сыном все в порядке, Вэй Чжао немного успокоился и спросил:

— А-Инь, устал? Хочешь, чтобы папа тебя понес? — На самом деле, Вэй Чжао убирал с пути мусор, но эта ветка была слишком низко, и он ее не заметил.

И Инь поспешно замахал руками:

— Нет, я могу идти сам. В горах уже не было тропы, и на некоторых участках приходилось карабкаться. Папа помогал мне, но нести на спине было бы еще сложнее.

Вэй Чжао, видя, что И Инь еще бодр, не настаивал и продолжил вести его вперед. По пути они сделали перерыв, попили воды и перекусили.

Короткие ноги не справлялись, и к полудню И Инь почувствовал, что его ноги стали тяжелыми и болезненными, ему стало трудно идти.

Но он не посмел сказать об этом Вэй Чжао, так как тот наверняка понес бы его. Однако И Инь чувствовал, что Вэй Чжао тоже устал, и он уловил слабый запах крови, исходящий от него, не зная, ранен ли он или что-то еще.

Необычное поведение И Иня не ускользнуло от внимания Вэй Чжао. Он остановился, присел и тихо спросил:

— А-Инь, ты больше не можешь идти? — По меркам четырёхлетнего ребёнка, И Инь превзошел все ожидания Вэй Чжао.

Потирая дрожащие ноги, И Инь неохотно кивнул:

— Папа, прости! — Возможно, ему не стоило настаивать на том, чтобы идти с Вэй Чжао. Если бы не его обуза, Вэй Чжао было бы гораздо легче.

Вэй Чжао улыбнулся:

— Глупый мальчик, это не твоя вина. — С этими словами он развязал узел, завернул остальные

вещи в меньший кусок ткани, а затем длинной полосой ткани привязал И Иня к своей спине.

Действие лекарства в теле Вэй Чжао еще не полностью прошло, и его сила восстановилась лишь на треть. Самому идти было тяжело, а нести И Иня — еще труднее, особенно учитывая, что И Инь был выше и тяжелее своих сверстников.

Хотя теперь на спине Вэй Чжао был дополнительный груз, он больше не должен был подстраиваться под И Иня, и их скорость не только не уменьшилась, но и увеличилась.

Однако это привело к тому, что Вэй Чжао тратил больше сил. И Инь, видя мелкие капли пота на его висках, несколько раз просил, чтобы его отпустили, но Вэй Чжао отказывал.

— Ух...

Внезапно Вэй Чжао остановился на месте, схватился за грудь, сделал несколько шагов к ближайшему дереву и, держась за ствол, начал мучительно рвать.

С вчерашнего дня он почти ничего не ел, и во время двух перерывов кормил только И Иня, поэтому рвал он только водой, но чувство тошноты не проходило.

И Инь не знал, что происходит, и, увидев, как Вэй Чжао мучается, поспешно спросил:

— Папа, тебе плохо? Папа, скажи что-нибудь!

Вэй Чжао продолжал рвать, не в силах остановиться, и не мог говорить, только махнул рукой, показывая, что все в порядке.

И Инь нахмурился, очень хотел спуститься и посмотреть, что случилось, но Вэй Чжао крепко завязал ткань, и он не мог выбраться. Кроме того, он не хотел слишком сильно дергаться, чтобы не усугубить состояние Вэй Чжао.

Наконец, чувство тошноты немного утихло, и Вэй Чжао выпрямился, погладил И Иня по спине и успокоил:

— А-Инь, не волнуйся, со мной все в порядке.

Глядя на бледное лицо Вэй Чжао, И Инь серьезно сказал:

— Папа, я отдохнул, могу идти сам, отпусти меня. — Вэй Чжао уже достаточно намучился, и он не хотел добавлять ему нагрузку.

Вэй Чжао почувствовал, что его состояние ухудшается, и, хотя рвота прекратилась, в груди оставалась тяжесть. Он не стал настаивать, развязал ткань и отпустил И Иня.

Горная тропа становилась все более извилистой, и во многих местах ее вообще не было. Вэй Чжао вел И Иня, и их скорость заметно снизилась.

Но как бы они ни устали, они не могли остановиться. Не позже рассвета в усадьбе обнаружат неладное, и Хэлянь Чжо рано или поздно узнает об этом. Чем дальше они уйдут, тем безопаснее будет.

И Инь шел с перерывами большую часть дня, и дело было уже не в усталости и слабости ног, а в том, что его ноги, никогда не ходившие на такие расстояния, были покрыты кровавыми волдырями, и каждый шаг был мучительным.

Вэй Чжао тоже чувствовал себя плохо, его желудок бурлил, и чувство тошноты периодически накатывало, но он все же заметил, что с И Инем что-то не так.

Он усадил И Иня на корень дерева, торчащий из земли, снял его обувь и уже собирался снять носки, как И Инь скривился от боли.

Оказалось, что некоторые волдыри на его ступнях уже лопнули, и кровь смешалась с носками, поэтому их не получалось снять.

Увидев ужасное состояние ног И Иня, Вэй Чжао ни за что не позволил бы ему идти дальше. Без лишних слов он снова привязал его тканью к своей спине.

Тело Вэй Чжао всегда было слабым, и после дня и ночи без сна и почти без еды, неся на спине пухлого сына через горы, он был на пределе, держась только на силе воли.

К вечеру Вэй Чжао нашел укрытое от ветра место, сначала устроил И Иня, а затем поймал дикого кролика и поджарил его на ужин.

И Инь целый день жевал сухой хлеб, поэтому жареный кролик его очень обрадовал. Даже без приправ он казался ему невероятно вкусным.

— Папа, ты тоже ешь! — Закончив с кроличьей ногой, И Инь взял другую и, увидев, что Вэй Чжао только смотрит на него, протянул ему свою.

Вэй Чжао совсем не хотелось есть, но он понимал, что так продолжаться не может, поэтому взял кроличью ногу и заставил себя съесть.

И Инь с радостью улыбнулся и принялся за другую ногу. Вместе они полностью расправились с кроликом, но И Иню все же казалось, что он съел больше, чем Вэй Чжао.

Наевшись, Вэй Чжао взял И Иня и отнес его к лесному ручью, где вымыл ему ноги, затем иглой проколол оставшиеся волдыри, аккуратно нанес лекарство и оторвал кусок ткани от своей рубахи, чтобы забинтовать его ноги.

На севере разница между дневной и ночной температурой велика, и даже летом ночи прохладные, а на хребте Тяньмэнь было чуть холоднее.

Вэй Чжао развел костер, завернул И Иня в плащ, и они легли спать, обнявшись. Ночь прошла без сновидений.

В последующие дни ноги И Иня были плотно забинтованы, и он даже не мог надеть обувь, поэтому ходить не мог, и Вэй Чжао продолжал нести его на спине.

Состояние Вэй Чжао тоже было не из лучших. Он почти ничего не ел, но его сильно рвало, он быстро худел, и его лицо стало пугающе бледным.

И Инь беспокоился о здоровье Вэй Чжао, и, как только его ноги немного зажили, он начал проситься на землю. Вэй Чжао, уже на пределе, иногда отпускал его. К счастью, после того как волдыри зарубцевались, на ступнях И Иня образовался тонкий слой мозолей, и больше он не повреждался.

Так Вэй Чжао нес И Иня на спине, а потом отпускал его идти самому, и они поддерживали друг друга, с трудом продвигаясь по хребту Тяньмэнь. Единственное, что их радовало, — за

несколько дней за ними так и не появились преследователи.

Чем дальше они углублялись в горы, тем гуще становился лес, и даже в полдень солнечный свет с трудом пробивался сквозь плотный полог деревьев. Вэй Чжао и И Инь, к несчастью, заблудились.

— Папа, мы, кажется, уже были здесь, — И Инь был в отчаянии, снова увидев тот же гладкий черный камень. — Посмотри, на этом дереве я сделал отметку. — Это означало, что они шли полдня и вернулись на прежнее место.

Вэй Чжао тоже был расстроен. Он усадил И Иня под дерево и долго молчал, словно размышляя о чем-то.

<http://bllate.org/book/16486/1498038>